

АЛЕКСАНДР КЕРДАН

МУНДИР

РАССКАЗ

Начальник штаба окружного полка связи майор Анатолий Борисович Тихонов в конце дня собрал офицеров для зачитки приказов. И первый же приказ — приказ начальника гарнизона генерал-лейтенанта Челубеева, известного под прозвищем “Шпицрутен”, — ошаршил не только всех собравшихся, но и самого Анатолия Борисовича, в спешке не успевшего ознакомиться с приказом до собрания.

Генерал-лейтенант Челубеев, этот Шпицрутен, приказом рекомендовал (вы только вдумайтесь — приказом и... рекомендовал!) офицерам прибывать к месту службы и убывать с места службы к месту жительства в гражданской одежде.

Много всяких приказов, касающихся формы одежды, за время службы видел Анатолий Борисович. Молодым лейтенантом застал он время, когда офицерам было положено в парадном мундире отбывать даже в отпуск. Потом вышел приказ, напротив, запрещающий офицерам в военной форме посещать увеселительные заведения типа кафе, ресторанов, а также концертов и театральных представлений.

Совсем недавно новый министр обороны СССР, генерал-армии, в первый же день своего пребывания в должности выдал: “Всем офицерам армии и флота без исключения надеть строевую форму одежды”, — то есть надеть кители, галифе, португепи и сапоги... Если учесть, что первый день пребывания его на посту министра совпал с аномальной жарой на всей территории

КЕРДАН Александр Борисович родился в 1957 году в г. Коркино Челябинской области. Полковник запаса. Доктор культурологии. Сопредседатель правления Союза писателей России, координатор Ассоциации писателей Урала. Автор многих книг стихов и прозы. Лауреат Большой литературной премии России, международных и всероссийских премий. Живёт в Екатеринбурге.

страны, то можно представить, что именно подумали о нём подчинённые, особенно те, кто отродясь сапог не нашивал: авиаторы, моряки, преподаватели военных училищ, сотрудники военных институтов... Тут накрепко и прицепилась к министру кличка “Сапог”, которую даже последующая информация о генерале как о бывшем фронтовике, человеке, в общем-то, неглупом и на удивление знающем наизусть массу стихов, отменить уже не смогла...

Но одно дело — “Сапог”, и совсем другое дело — “Шпицрутен”. Челубеев за словом в карман, пардон, под португалею, не полезет — отбреет, не оглянется. Звонит он на коммутатор:

— Говорит генерал Челубеев. Девушка, дайте мне командира полка!

Той бы не ерепениться, а сразу связать вышестоящего с нижестоящим. Так нет, решила характер проявить:

— Я, товарищ генерал, не даю, а соединяю! — прокудахтала.

Челубеев смолчал, с комполка переговорил. Та курица, то есть телефонистка, спрашивает:

— Вы кончили, товарищ генерал?

— Кончил! Уже ширинку застёгиваю! — гавкнул Челубеев.

Или приезжает Челубеев в проектный институт стройуправления округа и сходу устраивает разнос:

— У вас здесь не военное учреждение, а тульский леспромхоз!

Начальник института, естественно, глаза выпучил, принял давно забытую строевую стойку:

— Не понял вас, товарищ генерал!

Челубеев, походя, роняет:

— А что тут непонятного? Что ни начальник, то — дуб, что ни зам, то — пень, что ни секретарша, то — ягодка!

И таких перлов у начальника гарнизона не перечсть. Но нынешний приказ — всем перлам перл! Анатолий Борисович даже перечитал его вслух:

— Ввиду участвовавших случаев нападения гражданских лиц на офицерский состав, унижения достоинства офицеров и прапорщиков, глумления над их формой одежды, настоятельно рекомендовать поименованным категориям военнослужащих прибывать к месту службы и убывать к месту жительства в гражданской одежде!

Прочитав, Анатолий Борисович окинул офицеров полка значительным взглядом и, хотя сам ничего не понял, спросил:

— До всех дошло, товарищи офицеры?

— Так точно, — вразнобой отозвалось несколько голосов.

Вразнобой — у связистов допустимо. Отношения у них между собой более демократичные, чем в других родах войск, — как-никак, а военная элита, инженеры, светлые головы.

Но на то и кот, чтобы мыши не дремали. Анатолий Борисович уже десять лет, как начальник штаба, и знает, что воли личному составу давать нельзя, особенно светлым головам и так называемой элите.

— Не понял... — набычился он. — Разве так, товарищи офицеры, на вопрос старшего начальника отвечают? Сейчас устроим зачёт по знанию Устава внутренней службы!

— Не надо зачёта, товарищ подполковник... — скорчил жалобную физиономию капитан, начальник строевого отдела.

Анатолий Борисович с высоты своего наполеоновского роста вперил в подчинённого пронзительно-уничжительный взор светло-серых, с жёлтыми краплениями глаз и снова задал вопрос всем присутствующим:

— Понятен приказ начальника гарнизона, товарищи офицеры?

— Так точно, товарищ подполковник, — в один голос выдохнули офицеры полка.

— Тогда свободны, — отпустил подчинённых Анатолий Борисович, но сам себя свободным не почувствовал. Рекомендация начальника гарнизона всё взбаламутила в его душе.

Военную форму одежды Анатолий Борисович, можно сказать, обожал и почитал. Можно даже сказать, что именно форма была тем самым манком, который определил когда-то его судьбу, то есть поступление в военное училище и дальнейшую офицерскую карьеру. Все эти шевроны, петлички,

погоны, ремни и ремешки, блеск сапог, кокарды, звёздочки, эмблемы, отлично подогнанные китель и шинель для него всегда были не просто атрибутами внешнего вида, но высокой символикой принадлежности к чему-то большому, могучему, овеянному славой прошлых побед. И что тут скрывать, военная форма придавала значимость самому Анатолию Борисовичу, делала его самого словно бы выше ростом, сильнее, превращала отдельно взятого индивидуума в неотрывную часть большого, могучего, овеянного славой и уважением, организованного и регламентированного до мелочей организма.

Да, Анатолий Борисович любил и почитал военную форму. С нею, с формой, было связано столько эмоциональных воспоминаний, которые даже трудно выразить словами. Например, как передать запах шинели после дождя или первого снега, или как выразить ощущение прикосновения ладони к её колючему ворсу?.. В этот ворс так любила утыкаться носом Алла, его жена, ещё в ту пору, когда была не жена ему, а простая девчонка с соседней улицы, и он, курсантом, приезжал в отпуск и бродил с ней по заснеженному городу. Она и сейчас нет-нет — да и уткнётся в его офицерскую шинель, вспоминая те счастливые времена, даже несмотря на то, что офицерская шинель скроена из другого сукна — она мягче наощупь, и с нею связаны иные волнующие моменты...

Вот первый. Примерка первого офицерского наряда за два месяца до выпуска. Ты — ещё курсант, а тебе уже шьются мундир и шинель, и ротный командир отпускает тебя в гарнизонное ателье. Там, как воплощение своих юношеских мечтаний, ты видишь в зеркале молодого лейтенанта, у которого твоё лицо и фигура, но он как будто уже не ты, а некто другой, наделённый правом командовать, принимать решения не только за себя, но и за других... И старый суетливый портной, оглядывая тебя со всех сторон, восторженно прищёлкивает языком и говорит, грассируя:

— Пр-рекрасно, пр-рекрасно, молодой человек! Все софочки нашего гарнизона таки теперь будут ващи, таки да, вам везёт... Зай гезунд! Очень приятно! Ах, мне бы двадцать, мне бы ващи погоны...

И не только этот портной. Любовь к человеку в военной форме в те, послевоенные годы была словно разлита в воздухе. И в магазине пропустят без очереди, если спешить, и на любом празднике ты самый желанный гость, не говоря уже об учениях, когда на улицы сёл и городков, по которым проходит колонна военной техники или строй мотострелков, высыпают все от мала до велика, угощают яблоками, пирожками, машут платками и кепками. А пацанва лихо марширует сзади, словно примеряя на себя военную судьбу...

Всё это мгновенно пронеслось в голове Анатолия Борисовича, пока из лекционного зала он поднимался в свой кабинет.

— Тоже мне рекомендация, — позволил он мысленно не согласиться с генералом Челубеевым. — Лучше бы разрешили табельное оружие с собой носить и дать право применять для защиты чести и личного достоинства. Ведь было же такое после войны... Попробовал бы кто-то тогда офицера оскорбить!

Но время было не послевоенное. Было время перестройки и гласности. И в это время кто только и что только про армию не писал! И то, что все генералы — казнокрады. И что все офицеры — дураки, бездельники, сволочи и эксплуататоры солдатского труда, укрыватели неуставных взаимоотношений. И что государство слишком много денег тратит на содержание огромной армии. И что тогда, когда в магазинах шаром покати, в военторгах — полный коммунизм, разве что птичьего молока нет! Какое уж тут табельное оружие! Как раз тут только вот это шпионское переодевание!

Сам Анатолий Борисович в “шпионов” играть не собирался. Не боялся он никогда форму носить и решил, что и сейчас не убоится. А случись что, за себя постоять сумеет — всё-таки КМС — кандидат в мастера спорта по боевому самбо. За себя решил, но и приказ начальника гарнизона понял: не все себя защитить способны. Сам Челубеев недавно ему, Анатолию Борисовичу, рассказал о трёх случаях в течение недели, когда избили офицеров.

— Даже на военные патрули нападают. На днях у солдат отняли штык-ножи, а начальник патруля едва не лишился пистолета. Его спас только подоспевший наряд милиции! — сказал Челубеев.

Вспомнив этот рассказ, вздохнул едва не по-бабьи Анатолий Борисович и решил, что обязан пример подчинённым подать. Коль рекомендовано убывать со службы не по форме, надо так и сделать. Благо в кабинете оказались куртка и гражданский костюм, оставшийся ещё с новогоднего праздника в части, когда их, в самый разгар застолья, подняли по тревоге. Пришлось срочно переодеться в полевую форму и убывать к месту развёртывания ЗКП*... Отвезти потом единственный костюм домой всё руки не доходили. Вот и пригодился.

Злясь и на себя самого, такого исполнительного, и на Челубеева с его настоятельной рекомендацией, а более всего на ситуацию с армией, приведшую к необходимости этой рекомендации следовать, Анатолий Борисович переоделся и, дав последние указания дежурному по полку, вышел за ворота.

Трамвай, как всегда в час пик, был переполнен. Анатолий Борисович едва сумел втиснуться на заднюю площадку, наступив при этом на ногу какому-то толстому мужику, и получил в ответ локтём в бок. Анатолий Борисович поморщился, но от ответного удара удержался. Трамвай с трудом закрыл за ним двери и тронулся с места. Несколько минут пассажиры молчали, счастливые тем, что внутри и что уже едут, а после, когда утряслось и стало чуть посвободнее дышать, загалдели.

- Мужчина, вы что толкаетесь! Как слон в посудной лавке...
- Да ты сама — корова, мне все ботинки оттоптала!
- Это я корова?
- На газель не похожа...

Слушать такие перебранки Анатолию Борисовичу доводилось каждый день, утром и вечером, когда он не мог на службу и домой на дежурном “уазике” уехать. Да и что ещё от трамвайной публики услышишь в уральской глубинке, где в трамвае обычный рабочий люд едет, ну, там продавщицы, редкие интеллигенты да несколько вояк...

Как раз один из таких военных, не успевших выполнить рекомендации начальника гарнизона, вызвал в трамвае очередной скандал:

— Эй вы, военный, что вы так ко мне прилипли, я вам не жена! — услышал Анатолий Борисович истеричный женский возглас у кабины водителя трамвая. — Да вы мне своими коленками продукты все подавите! Не видите, сетка у меня!

— Да не давяю я на ваши продукты! — глухо огрызнулся невидимый Анатолию Борисовичу военный. — На меня на самого насаждают. Не нравится, поезжайте на такси!

— Тоже мне, советчик выискался! Сам на такси едь! Сказал тоже, такси... У нас таких денег нет! Это вам за то, что воздух пинаете, сотни рублей платют!

— Какие там сотни! Тыщи!

— Сколько же вас развелось на нашу шею, дармоеды! — мгновенно вскипел разногласо трамвай, а кто-то вообще пригрозил: — Ты сейчас, офицер, вылетишь на следующей остановке, чтобы женщинам не хамил!

— Точно! Вылетишь, — подержал трамвай.

За офицера заступилась какая-то старушка:

— Люди, что вы делаете! Он же — наш защитник!

— Знаем мы этих защитников: им бы только водку жрать да над сыновьями нашими глумиться! Дедовщину развели! — не унимался трамвай.

Взвизгнула тётка, похожая на рыночную торговку:

— Они, офицера, и развели эту дедовщину, чтобы самим не работать!

— А ты откуда знаешь? У тебя самой-то сын служил? — спросил кто-то.

— Я чо, дура что ли! Военному на лапу дала и отмазала! — огрызнулась тётка.

Офицера из трамвая всё-таки не выставили. До своей остановки, которая оказалась перед остановкой Анатолия Борисовича, он всё-таки доехал.

Анатолий Борисович увидел его, когда трамвай продолжил движение. Он долго топтался на месте, одёргивая плащ-пальто, поправляя пояс и фуражку а потом как-то скукоженно пошёл дальше.

* Запасной командный пункт.

Так же скукоженно чувствовал себя и Анатолий Борисович. Выходило, что генерал Челубеев был прав, рекомендуя ездить в городском транспорте в штатском. И сам Анатолий Борисович не вступился за своего брата-офицера, за армию, не заставил крикунов замолчать, проявить уважение, если не к человеку, так к форме. Ибо форма — принадлежность армии, а армия — принадлежность страны. Страну же, в которой ты живёшь и которой служит армия, надо уважать, хочешь ты этого или не хочешь. Иначе останешься и без страны, и без армии, и станешь кормить и обслуживать солдат армии чужой... Это не нами придумано и по-другому не бывает.

В унылом настроении подошёл Анатолий Борисович к своему дому на улице Блюхера. Дом в народе именовался “пиллой”, а ещё — “зигзагом удачи”. Он состоял из трёх секций, под углом примыкающих друг к другу. В дальней секции на четвёртом этаже и проживал Анатолий Борисович с семьёй. В небольшой по квадратуре “трёшке” обитали они с супругой Аллой, их дочь Александра, зять Володя — капитан, служивший в штабе тыла округа, — и Владик, трёхлетний единственный и обожаемый внук. Жили тесно, но дружно. Ибо Анатолий Борисович привык служебные невзгоды оставлять за порогом квартиры, и домочадцев своих к этому приучил.

Но сегодня, вопреки традиции, совладать с плохим настроением у Анатолия Борисовича не получилось. Он не стал звонить и открыл дверь своим ключом. Сделал это так тихо, что жена и дочь, чьи возбуждённые голоса раздавались с кухни, не заметили его. И Владик привычно не выбежал деду навстречу со своим вечным вопросом: “Деда, а что ты мне принёс?”

Сняв форменные башмаки, Анатолий Борисович повесил куртку и прислушался. Из большой комнаты раздавались непонятные звуки: как будто кто-то там шаршился и пыхтел.

Анатолий Борисович тихонько подошёл к двери и заглянул.

Посередине комнаты в ворохе отцовской полевой формы барахтался внук. Полностью утонув в ней, он пытался обуть десантные ботинки с высокими голенищами и сложной шнуровкой. Рукава куртки мешали. Штаны свалились. Один ботинок оказался носком вперёд, а второй развернулся в обратную сторону. Внук попытался подтянуть штаны и одновременно попытался шагнуть. Но вместо этого он растянулся по полу.

Первым порывом Анатолия Борисовича было тотчас ринуться ему на помощь. Но он удержался. Внук попытался встать на ноги. Ему это почти удалось, но он снова упал. И снова начал вставать.

— Нинивилиллити... — послышалось Анатолию Борисовичу.

Он напряг слух и вдруг услышал.

— Невилиятно тижилё, а служить надо! — говорил себе внук.

Слёзы сами собой навернулись на глаза Анатолия Борисовича. Он снова подавил попытку помочь внуку, сглотнул комок в горле и так же тихо, стараясь не шуметь, прошёл на кухню.

— Ой, Толя, а мы и не слышали, когда ты вошёл! — сказала жена.

Дочь поцеловала его в щёку и обескуражила новостью:

— Пап, знаешь, а Володька рапорт написал!

— Какой рапорт? — всё ещё продолжая думать о внуке, вскинулся Анатолий Борисович.

— Он увольняться собрался из армии. Совсем!

— Зачем увольняться? — не понял Анатолий Борисович.

— Вот и я говорю ей, Толя! — поддержала его жена.

— Да что вы понимаете? Что в вашей армии сейчас делать? Ну, вот что? — дочь с каким-то превосходством стала загибать свои красивые пальцы. — Жильё давать перестали. Перспектив никаких... А на гражданке бизнесом можно заняться. У Володьки, знаете, сколько связей? Он и магазин свой продовольственный открыть сможет, и цех по пошиву джинсов... Сейчас индивидуальное предпринимательство очень поощряется!

“А Родину-то кто защищать будет!” — едва не вскричал Анатолий Борисович, но вместо этого вдруг сказал мало понятную этим двум дорогим ему женщинам фразу:

— Невероятно тяжело, а служить надо!